

Н.А.СТРУВЕ

ОБ ЕВХАРИСТИЧЕСКОМ БОГОСЛОВИИ О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

«Богословие надо пить со дна евхаристической чаши»: эти слова, сказанные однажды о. Сергием Булгаковым своим друзьям, стали отныне расхожими в применении к самому о. С. Булгакову. Недавно они даже послужили заглавием для газетной рецензии о переиздании первого тома его большой трилогии «Агнец Божий»... Эти слова позволяют непосредственно определить изначальную «церковность» его богословской мысли, исходящей из того, что есть одновременно основа и завершение Церкви: тайна и таинство реального присутствия Христа на земле, без которого христианство не стоит; то «небо на земле», которое чувственно, духовно, мистически Булгаков воспринял еще в детстве под сенью Ливенского кладбищенского храма. Это чувство, в молодости утерянное, затем восстановившееся, позже ярким светом восплавленное, Булгаков пытался выразить на языке мысли, разума, чтобы дать себе и людям удовлетворяющий ответ на бесконечные, неизреченные тайны божественного домостроительства.

Если «евхаристическая чаша» — источник всего его боговидения, то собственно евхаристической теме он посвятил лишь две работы, на расстоянии десяти лет: первая — «Евхаристический догмат» (1930) была напечатана в двух номерах журнала «Путь»^[1], вторая — «Евхаристическая жертва», написанная в первый год мировой войны, так и осталась неизданной до наших дней^[2]. К этим работам примыкают еще две другие, одна напечатанная в «Пути», о святом Граале (1932)^[3], другая, еще не изданная, «Христос в мире» (1940)^[4].

«Евхаристический догмат» — последний из ряда богословских трактатов, в которых Булгаков отправляется от ошибочных или неадекватных воззрений католической догматики. Как известно, этой догматике он отдал дань в Крыму в начале 20-х гг., когда ему показалось, что под напором преследований русская церковь не устоит. Но в изгнании первые же встречи с католической церковью, в частности с ее миссионерским, а не братским отношением к православным, отрезвили Булгакова. В Париже он начал построение своей богословской суммы с систематической критики догматических нововведений Рима: это, последовательно, «Петр и Иоанн», затем «Ватиканский догмат», где бесповоротно отвергается и убедительно опровергается папизм, злосчастное определение непогрешимости папы *ex sese*, принятое в 1870 г. на I Ватиканском соборе, «Купина Неопалимая», трактат о Божьей Матери, начинающийся с опровержения нововведенного (в 1854 г.) догмата о непорочном зачатии Богородицы, и, наконец, «Евхаристический догмат».

Само выражение «евхаристический догмат» может показаться необычным, но потому именно, что оно римо-католического происхождения: в течение первого тысячелетия в единой Церкви не возникало вопроса о евхаристическом догмате: евхаристия, как тайна и как таинство, как сокровенная жизнь самой Церкви, не подлежала не только «догматизации», но и сколько-нибудь развернутому обсуждению. Евхаристия была изначально общепринятой данностью.

Догматом, т. е. предметом веры, подлежащим точному определению, евхаристия стала на Западе вследствие споров между космологическим имманентизмом, или материализмом римского течения, с одной стороны, и протестантским спиритуализмом, с другой. Рим на Тридентском соборе утвердил обязательную, хотя, пожалуй, теперь и забытую, томистскую трактовку того, что происходит в «евхаристии». Булгаков без большого труда разделяется с этими определениями, в которых видит «логически-сущностное противоречие»: в догмате «трансубстанциация» — буквально переход из одной субстанции в другую — соединяется субстанция тела и крови Христовой, но лишенная своих акциденций, с акциденциями хлеба и вина, утративших свою субстанцию (если такое соединение вообще возможно). От этого имманентизма и абстрагирования в римо-католической церкви хлеб и вино несколько утратили субстанцию, превратились в абстрактную «гостию», а гостия стала предметом культа вне самого акта преложения и приобщения, вопреки

установительным словам Христа: «примите, ядите». Проблематика трансубстанции была совершенно чужда неразделенной Церкви: в евхаристии, подчеркивает Булгаков, «никакого превращения одного вещества в другое не происходит», происходит, через действие Святого Духа, сверхъестественное преложение, не физическое, а метафизическое, мирового вещества в сверхмирное бытие... Евхаристия, поясняет Булгаков, установлена в ознаменование того, что еще не свершилось, хотя и имело свершиться, и стала возможна только после Вознесения и сошествия Св. Духа.

Но, определив неправомочность и непригодность аристотеле-томистских формулировок, Булгаков в первой статье коснулся всего лишь одного аспекта евхаристического богословия — самого таинства преложения. Вторая работа, посвященная «Христовой жертве и жертвоприношению» дополняет первую и могла бы войти в заключительный том большой булгаковской трилогии (в «Невесте Агнца» нет, как ни странно, особого экскурса об евхаристии). Все 140 страниц нового очерка чрезвычайно насыщены и потому с трудом поддаются анализу. В этом поневоле кратком сообщении нам придется выделить лишь несколько основных пунктов и попутно подчеркнуть направление и стиль богомыслия о. Сергия.

Отправная, методологическая точка здесь та же, что и во всех книгах у Булгакова: предшествующее богословие, будь оно восточно-православное или западно-католическое, что-то не довьяснило или не довьяразило. Иными словами, богословие никогда не завершено, оно открыто для дальнейшего углубления и творчества. «Таинство причащения, — пишет Булгаков, — всего лишь сопоставляется с таинством жертвоприношения, — а то и мыслится отдельно, в то время как их необходимо мыслить едино», в духе халкидонского догмата о неслиянном и неразделенном соединении двух природ во Христе. Отсюда центральный постулат статьи: Тайная Вечеря и есть прежде всего жертвоприношение и, в силу того, причащение. Основывает его Булгаков на двух новозаветных текстах, на послании к Евреям (главы 5, 7 и 8) и на 6 главе Евангелия от Иоанна, которая, по выражению о. Сергия, содержит полноту евхаристического богословия (заметим в скобках, насколько богомыслие о. Сергия, здесь, как и везде, основано на Писании).

Жертва есть основной и изначальный феномен религиозной жизни, осуществляющий соединение человека с божеством, она есть одновременно дар, выкуп и, через вкушение, соединение. Ветхозаветные жертвоприношения (от Авеля до Исхода из Египта) были лишь прообразом, тенью (а уж тем более языческие жертвоприношения, были лишь тенью тени) единого, окончательного, всемирного и надмирного, жертвоприношения Богочеловека.

Христос одновременно жрец, жертва и алтарь, приносимый и приносимый, приемля и раздаваемый. Это определение позволим себе пояснить через всем нам знакомый образ земного творца. Поэт (само слово означает «творящий») тоже приносит своеобразную «священную жертву», он тоже одновременно жрец и жертва, да и алтарь муз, не отделим от него самого, хотя он есть и нечто трансцендентное ему. Образ поэта позволяет понять, что в самом акте творения (а тем самым, и бытия, ибо нет бытия без творческого начала) заключен момент жертвоприношения...

По Булгакову, предмет жертвы не одна только крестная смерть, но и вся крестная жизнь Христа как в воплощении, так и до воплощения, и даже после, но уже во славе воскресшего и вознесшегося Богочеловека... Отметим здесь характерную черту богомыслия о. Сергия: стирание грани времен, установление взаимосвязи между дольным и горнем, временем и вечностью, — то что можно назвать онтологизмом спасения, обожения человека.

Булгаков ставит кардинальный вопрос: возникает ли первосвященническое служение Христа, в котором он сам есть и жертва, и жрец, и алтарь, только на основе боговоплощения и как его следствие, или же самое это служение есть онтологическое предусловие боговоплощения? И отвечает недвусмысленно. Окказионализм блаженного Августина, который ставил воплощение в зависимости от первородного греха, ему чужд. Августиновская формула «Блаженна вина (beata culpa), заслужившая такого искупителя» умаляет свободу Бога. Согласно Булгакову, евхаристия, на земле совершаемая, в вечности происходит на небесах, в лоне Троичной жизни. Потому понять связь евхаристии земной и небесной и есть первая задача евхаристического богословия.

Тут мы подходим к основной интуиции не только «Евхаристической жертвы», но и всего богословия о. Сергия: боговоплощение, как жертва любви к миру, все равно лежало на путях творения мира и человека, поскольку человек создан по образу и подобию Божьему. Оно является его завершением. Крест есть символ жизни Божественной, как вечное жертвоприношение. Христос — как сын — уже жертва. Для большей ясности можно наметить следующую схему:

— жертвоприношение Христа извечно,

— оно происходит на земле единожды воплощением, завершающимся Голгофой, а за ней и прославлением,

— это единожды жертвоприношение пребывает на земле «дондеже придет» в таинстве евхаристии, которая включает в себя и надвременное, и временное, и послевременное.

Попутно Булгаков не боится (а богомыслие его всегда дерзновенно) ставить ряд вопросов, которые он не обязательно разрешает, но предлагает и нашему размышлению.

1. Что означает прославленное тело Христа, вознесшееся на небеса и получившее предельную силу духовности?

2. Что означает наше соучастие в евхаристии, которые мы призваны творить в его, Христа, воспоминание? «Бог из любви к человеку страдает вместо и вместе с человеком». Определение «приносяй и приносимый» относится и к нам, мы призываемся духовно приносить Богу в жертву себя самих. Тут возникает вопрос о соотношении между священником и народом Божиим: в Православии без народа евхаристия не совершается (в отличие от римской церкви).

3. Какие пределы у литургического возгласа, согласно которому евхаристическая жертва приносится «за всех и за вся»? Если во вкушении она ограничивается собранием верных, то не имеет ли она и силу для «оглашенных», для инославных в узком и широком смысле этого слова, т.е. собственно для всего человечества? «В Гефсиманском борении Господь никого не лишил любви своей». Как видно из этой цитаты, Булгаков верит в универсальное значение евхаристической жертвы.

4. Что означает отсутствие Божьей Матери на Тайной Вечере, как не то, что она причащена самой богочеловеческой природе через ее Богоматеринство...

5. В своем космическом видении Булгаков спрашивает себя, не распространяется ли евхаристия и на ангельский мир, хотя он и не подлежит искуплению? Но ангелы именно присутствуют в евхаристической литургии: «Ныне силы небесные с нами невидимо служат...»

6. А как быть с ангелами падшими?

Мы могли бы продолжить этот перечень вопросов, включая и более технические, те, что стоят в главе о преждеосвященной литургии: все они красноречиво свидетельствуют о дерзании и высоте булгаковского богомыслия, далекого от всяких упрощений, редуций, в частности, — юридических и морализаторских, в чем он верен древней православно-восточной традиции.

Конечно, и в этом углублении, и в универсальном подходе есть и свои подводные камни. Нет ли некоторой «натурализации» Боговоплощения, понятого независимо от грехопадения? Нет ли в универсализме, в распространении на весь мир силы Христовой жертвы, опасности умаления ответственности человека? Может быть... Тайна Божьего домостроительства остается на последней стадии неизреченной в умственных и языковых категориях. Но после Булгакова уже нельзя богословствовать школьно, схоластично, шаблонно. Своим смелым видением, своими дерзновенными вопрошаниями, Булгаков приоткрывает завесу над тем облаком неразрешенных и неразрешимых загадок, которые ставит перед нашим взором Откровение. Какие бы ни были наши скромные, а то и боязливые мнения, читать Булгакова надо «высокими умы».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Булгаков С., прот. Евхаристический догмат // Путь. 1930. № 20. С. 3–46; № 21. С. 3–33.

[2] В издательстве YMCA-Press — Русский Путь обе работы предполагаются к изданию.

[3] Булгаков С., прот. Святый Грааль (опыт догматической экзегезы. Ио. XIX, 34) // Путь. 1932. № 32. С. 3–42.

[4] См. первую главу этой работы: Вестник РХД. 2001. № 182. С. 6–18.